

О чём говорили Гоудань и Дачжуан, домашние последнего так и не узнали. Они видели лишь то, что после ухода гостя Дачжуан воспрянул духом: от его привычной угрюмости не осталось и следа, а в глазах горело едва сдерживаемое возбуждение.

Жена попыталась расспросить его, но Дачжуан лишь отмахнулся, велел ждать новостей.

Не добившись толком ничего, она недовольно поджала губы и вышла из комнаты. Первым делом она принялась потрошить сумки, которые принесли Гоудань и Ван Сюань, — очень уж хотелось поглядеть, чем раздобрились эти двое выбившихся в люди дружков.

А до того, о чём толкуют мужчины, ей дела не было. Реальная выгода, которую можно пощупать руками, — вот что по-настоящему важно.

И нечего винить её в жадности или любви к халяве. Принесли — бери, чего отказываться? За последние годы нищета так прижала к ногтю, что вздохнуть некогда. Раз уж кто-то решил поиграть в благодетеля, глупо упускать случай.

Дачжуан, конечно, знал нрав супруги. Раньше она такой не была. Всё переменялось, едва выяснилось, что он останется калекой. Жена сделалась желчной, вечно язвила, а на детей у неё совсем не хватало терпения. Стоило ребёнку захныкать — сразу следовал подзатыльник. Ей было недосуг разбираться, почему дитя плачет, голодно оно или приболело.

Дачжуан и сам порой впадал в глухое оцепенение, так стоило ли винить жену? Дети росли, родители старели. Школа, еда, будущая женитьба — на всё требовались деньги. Он не был единственным сыном, забота о престарелых родителях ляжет и на братьев, но это не снимало долга и с него. Чем больше думал, тем сильнее тоскливая забота тисками сжимала грудь. Ему ещё и тридцати не исполнилось, а в волосах уже всю серебрилась седина.

Мирские горести и редкие радости — он успел познать всё, едва перешагнув порог юности. А жена... она ведь ещё молода. Захоти она уйти — без мужа не останется. Баб в деревнях не хватает, бобылей пруд пруди. Любая баба, способная родить, пускай дурнушка или в летах, нарасхват. Рожает — значит, продолжит род, а коли так, её оторвут с руками.

В последнее время родня жены зачастила в дом. Невестка из её семьи при встрече лишь сквозь зубы цедила приветствие и тут же уводила жену шептаться. Видать, сама супруга не больно-то рвалась разводиться — к разведёнкам в деревне отношение поганое. Вот только и жизнь с калекой превратилась для неё в каторгу. Оттого она и исходила злобой, устраивая скандалы на пустом месте. Но что он мог ей предъявить, будучи бесполезным инвалидом?

Теперь же в его сердце затеплилась надежда. Дачжуан не собирался ломать комедию и жеманничать, уверяя Гоуданя, мол, неудобно его утруждать. Все эти годы ребята о нём помнили и при каждом приезде обязательно навещали. А ведь из всех прежних дружков — и деревенских, и из соседних мест — к сегодняшнему дню едва ли кто-то вообще держал его в уме. Даже соседи почти не заглядывали. Отрезанный ломоть, калека, о котором все позабыли.

Но Гоудань и Ван Сюань не вычеркнули его из жизни. Для них он оставался тем самым весёлым малым из беззаботного детства.

За ужином Дачжуан съел целую лишнюю пиалу риса. Жена, конечно, тут же проворчала под нос:

— Ишь, жрёт за двоих, а голова о плате за школу совсем не болит.

Он пропускал её злые слова мимо ушей. Ночью он впервые за долгие годы заснул крепким, безмятежным сном.

Тем временем Гоудань и Ван Сюань, предавшись безудержной ночной страсти в душной комнате, лежали без сил. Тела их взмокли от пота. Дождавшись, пока дыхание выровняется, а внутренний жар немного утихнет, они выскользнули во двор к колодцу, чтобы окатиться ледяной колодезной водой.

Вдруг в темноте блеснул луч фонарика — это проснулся Ли Сы.

— Чего не спите? — слышался сонный голос старика.

— Духота несусветная, батя, — отозвался Гоудань, прикрывая глаза от яркого света. — Решили ополоснуться, а то не уснуть совсем.

Ли Сы вздохнул и выключил фонарик.

— Под ледяной водой не застудитесь, — буркнул он, скрываясь за дверью. — Тоже мне, нашли время для бани...

Ван Сюань едва сдерживал смех — ведь они стояли во дворе абсолютно нагишом. Деревенские ночи, глухие и тёмные из-за отсутствия электричества, усыпляли округу задолго до полуночи.

Кругом царил покой, лишь изредка нарушаемый далёким собачьим лаем или сонным детским плачем с другого конца деревни.

Небо густо высыпало звёздами, и хотя луна не светила в полную силу, тьма не была крошечной. Глаза быстро привыкли к полумраку, различая смутные очертания предметов.

Фонарик им был без надобности. Нащупав ковш, Гоудань плеснул заливочную воду в жерло ручной помпы и заскрипел рычагом. Ван Сюань подставил ведро под упругую, ледяную струю,

пахнущую мокрым железом и землёй, и они принялись жадно обливаться по очереди.

Вода с шумом лилась на разгорячённую кожу, заставляя блаженно жмуриться.
Непередаваемое удовольствие в душную июльскую ночь!

От этой бодрящей прохлады Гоудань вновь ощутил, как в паху разгорается неодолимый зуд вожделения. Влажная, скользкая кожа сводила с ума. Ван Сюань прикусил губу, не смея издать ни звука, пока Гоудань без лишних прелюдий, пользуясь тем, что тело любовника ещё помнило недавнюю ласку, резко вошёл в него сзади.

Ухватившись за железную стойку колонки, Ван Сюань выгнул спину. В глухой ночи их тела соударялись с яростной, почти звериной силой, но двигались они бережно, таясь, точно ночные хищники на охоте. Желание захлестнуло их с головой, требуя исхода.

Лишь смутные силуэты ритмично покачивались во тьме под едва различимый шёпот искусанных губ. Отойди на пару шагов — и ни за что не догадаешься, какая буря бушует у колодца.

Вернувшись в постель, они почувствовали такую лёгкость во всём теле, что уснули мгновенно, едва коснувшись подушек. Вопросы о том, как Гоудань собирается помочь Дачжуаню, так и остались незаданными — усталость взяла своё.

Сквозь полусон донеслось утреннее пение петухов и знакомое отцовское «цып-цып-цып». Двор ожил: куры шумно хлопали крыльями, дрались за зерно и суетливо щелкали клювами по земле.

Солнце вставало рано. Гоудань потянулся и сдёрнул занавеску — комнату мгновенно залил яркий, по-летнему жаркий свет. Раздетый по пояс, он облокотился на подоконник, лениво наблюдая за суетившимся во дворе отцом.

Ли Сы заметно постарел, но держался бодро. На его высоких плечах наконец-торосло немного мяса. В молодости он походил на обтянутый кожей скелет — высокий, угловатый, до жути истощённый. Впрочем, в те годы все ходили полуголодными. Да и сейчас в Сикани толстяков днём с огнём не сыщешь: кто смолоду поджарым был, тот и к старости весу не набрал.

Почувствовав на себе взгляд, старик обернулся и, завидев сына в окне, приветливо сощурился:

— Проснулся, Гоудань? А-Сюань-то встал? Давайте умывайтесь, завтракать пора.

— Ага, сейчас выйдем, — отозвался Гоудань.

За столом он завёл разговор:

— Батя, а что если тебе перебраться к нам в столицу?

Ли Сы от удивления чуть ложку не выронил.

— В столицу? Ну, в гости-то я к вам ездил, Пекинский университет ваш видел... Пожалуй, надо бы ещё разок выбраться, пока вы учёбу не закончили, а то потом и повода не будет.

— Да нет, я про то, чтобы насовсем уехать. Жить там.

Старик замер, переваривая услышанное, а потом решительно мотнул головой:

— Погостить — это одно. А вот жить... Нет, сынок, я там не сумею.

Конечно, когда он ездил в столицу в прошлый раз, вся деревня лопалась от зависти. Шутка ли — простой мужик уехал в самый главный город страны! Даже председатель наш там отродясь не бывал. Ли Сы тогда ходил гоголем, понимая, что это почёт и уважение от сына ему перепали.

— Не поеду. Чужой мне этот город, — тихо вздохнул отец. — Я ведь тогда, в первый приезд, со страху чуть с ума не сошёл. Ничего не умею, ничего не знаю — чистый дурак деревенский. Жил себе полвека на земле, а там всё по-другому. Пару недель перетерпеть можно, но остаться насовсем — тоска съест. Всю жизнь горб гнул на пашне, а в городе куда мне податься? Стены головой подпирать?

— Но как же так? — нахмурился Гоудань. — Мы тут наездами, раз в год бываем. Ты один кукуешь в пустом доме, у меня душа не на месте. Был бы ты помоложе, я бы так не изводился, но тебе ведь уже шестой десяток пошёл.

— Подумаешь, пятьдесят! — фыркнул Ли Сы. — У нас старики в восемьдесят лет за плугом ходят и не кряхтят. Говорю же, не приживусь я там. Главное — вы в люди выбились, а мне больше ничего и не надобно. Гляди, дом какой отгрохали, колодец во дворе, копейка своя водится. Жить да радоваться! Куда мне ехать? Оставить такую хоромину пустовать? Нет уж, не поеду, и не проси.

— Мы и в столице дом купить можем, батя.

— Всё одно не поеду. Моё место здесь, в этих стенах и помереть хочу.

Спорить было бесполезно — упрямство старика не переломить. Гоудань мысленно вздохнул. С матерью всё уладилось: у неё теперь своя семья, подрастают младшие дети, в старости без куска хлеба не останется. Но как оставить отца одного? Случись у него внезапный недуг — кто поднесёт чашу воды? Одно дело — лёгкое недомогание, когда можно доковылять до соседей или родичей. А если свалит так, что и с постели не подняться?

Покончив с завтраком, Ван Сюань усадил Ли Сы на табурет и принялся за тщательный осмотр: измерил давление, прослушал сердце, расспросил о жалобах.

— Серьёзных хворей я не вижу, органы крепкие, — вынес вердикт Ван Сюань, убирая приборы. — Но вот старые болячки, нажитые в молодости, нет-нет да и дадут о себе знать. К старости ведь редко цепляется что-то новое, обычно наружу лезет всё то, что не долечил в юные годы.

В детстве Ли Сы наголодался, в молодости надорвал спину на непосильной работе, не видя нормальной еды. Здоровье его изрядно подкосилось ещё тогда.

К счастью, землю они теперь сдали в аренду — за неё платили зерном, так заставлять надрываться на пашне старика больше не приходилось. Из всех забот у Ли Сы осталось только пасти любимого желтого быка да кормить кур с утками. Захочет — повозится во дворе, устанет — приляжет отдохнуть. Гоудань ещё перед отъездом в столицу строго-настрого запретил отцу усердствовать с работой. Да и сам парень, повзрослев, полностью взял на себя обеспечение семьи. Ли Сы наконец-то забыл, что такое пахать до кровавого пота, лишь бы прокормить сына, урезая собственный паёк.

Благодаря заботе Ван Сюаня, который регулярно присылал целебные сборы, щёки старика заметно округлились и покрылись здоровым румянцем. Опасных патологий не обнаружилось, а с мелкими недомоганиями Ван Сюань планировал бороться постепенно. Настойки и порошки делали своё дело — старик сейчас выглядел куда бодрее, чем в свои сорок лет.

И всё же годы брали своё. Ровесники Ли Сы уже всю нянчили внуков, а у некоторых те и сами готовились к свадьбе. Ли Сы женился поздно, первенец родился, когда отцу шёл тридцатый год. В деревне, где семьи создавали чуть ли не в шестнадцать, он считался старожил-бобылем.

Гоудань до сих пор ходил в холостяках. И пускай по деревенской иерархии парень считался старшим в своём поколении, по паспорту он был совсем юн. Ли Сы изводился мыслью, что сын повторит его судьбу, поздно заведёт детей, и внуки их ветви снова окажутся младше всех в округе. А ведь малый возраст в семье — это вечная слабость. Толком не обоснуешься, веса среди родни не займешь. И плевать, что сверстники величают тебя дядей или дедушкой по старой привычке, выгоды от этого никакой.

К тому же старые обычаи постепенно уходили в прошлое. Бурные годы недавних реформ не просто вымели суеверия, но и изрядно пошатнули незыблемость клановых устоев. Достаточно было взглянуть, как легкомысленно нынешняя молодёжь относится к старейшинам. Теперь, кроме самых близких, даже троюродная родня не больно-то считалась друг с другом. На похороны да свадьбы ещё собирались всем миром, помогали ради приличия, а в будни — каждый сам по себе, порой до драки и глухой вражды доходило. Праздники да тризны случаются редко, пройдут за день — и снова тишина.

Ли Сы до глубины души завидовал многодетным избам. Ну и что, что они сейчас живут богаче всех в Сикани? Какая радость от сытой жизни, если нет главного — топота маленьких ножек в

доме? Без внуков даже жирный кусок мяса в горло не лезет.

Но у молодёжи нынче свои взгляды на жизнь. Да и государство гайки закручивает — ввели это планирование рождаемости. Вроде как больше двух детей иметь не велят, а кое-где и вовсе до одного сократили. Тем, кто на госслужбе состоит и казенный паёк получает, строго-настрого запрещено второго заводить — хоть мальчик родится, хоть девочка, изволь остановиться. Против закона не попрёшь, раз уж зависишь от государства. Гоуданю в будущем тоже придётся подчиниться, ведь нарушителей живо лишают тёплых местечек.

В глухих горных деревнях на закон смотрят сквозь пальцы, но Сикань у всех на виду, до уездного центра рукой подать. Ослушаешься — приедет комиссия, корову со двора уведёт, а то и крышу разберёт. А скотина в крестьянском хозяйстве — это всё.

Те, у кого первым родился пацан, вздыхали с облегчением. А вот если на УЗИ выходила девка — частенько шли на аборт. Несколько семей из их деревни, одержимые жаждой родить наследника, уехали к дальней родне в глухие края, а в саму Сикань то и дело подсеялись чужаки, прячущие беременных жён подальше от глаз уездного начальства. Кому-то везло, и на свет появлялся долгожданный мальчишка, а кто-то возвращался ни с чем и годами прятался по углам. Ради сына мужики готовы были любые штрафы платить. Ну а коли рождалась нежеланная девка, её ждала горькая участь — новорождённых порой подкидывали чужим людям, а то и вовсе топили в реке. Страшные дела творились.

Вздохнув, Ли Сы посмотрел на сына и веско произнёс:

— Ты, Гоудань, если девку первую родишь — я и тому рад буду. Главное, чтоб дитя в доме было.

Гоудань недоумённо моргнул от такого внезапного заявления, но решил, что отец просто спит и видит, как бы поскорее женить сына.

Старик же посчитал, что высказался предельно ясно. Какому мужику не хочется наследника, чтобы род не прерывался? Но если судьбой не дано, то против воли Неба не пойдёшь. Придётся смириться.

Сам Ли Сы когда-то думал, что так и помрёт бобылем, но на пороге тридцатилетия сошёлся с немой Ягу. Когда она забеременела, он от счастья земли под ногами не чуял. Мечтал тогда: пускай хоть девчонка родится, лишь бы родная кровь! Пока жены не было, думал — хоть бы дочку Бог послал. А как жена понесла, закралась мысль: «Эх, хорошо бы всё-таки парня...»

О душевных терзаниях отца Гоудань даже не догадывался. Раз уж батя наотрез отказывается ехать в столицу, а сам он не может бросить дела и остаться в Сикани, то выход напрашивался один — нужно найти отцу хорошую женщину. Чем больше он размышлял над этим, тем удачнее казалась затея. Вечером он поделился мыслями с Ван Сюанем:

— Слушай, А-Сюань, а что если нам женить батю? Появится в доме хозяйка: и обстирает, и

покормит, и присмотрит, коли приболеет. Да и поговорить будет с кем, а то он сейчас только с быком да курами беседует. Тоскливо ведь.

— Думаешь, дядя согласится? — усомнился Ван Сюань. — Ему ведь и раньше свах засылали, а он ото всех отмахивался.

— То было раньше, — уверенно возразил Гоудань. — Тогда мы ютились в старой развалюхе, в карманах ветер гулял. Батя думал, что мы на учёбу в долги залезли по уши, а тут ещё и возраст подошёл, когда пора невест искать. Он ночами не спал, боялся, что из-за нищеты мы бобылями останемся. Куда ему было о бабах думать? Боялся, что за душой ни гроша, а у него на шее ещё и мачеха сидит. Вот и шёл в отказ. А теперь всё иначе. Я ему прямо сказал, что с женитьбой мы не спешим. Долги давно выплачены, дом отгрохали — краше во всей округе не сыскать. Деньги есть, жизнь сытая, спокойная. Мы с тобой студенты столичные, без работы не останемся, так что за наше будущее у него голова болеть не должна. Железная чашка риса нам обеспечена. Все тревоги разом уйдут. Да и сколько можно вдовствовать? Одинокими вечерами ему наверняка бабьей ласки не хватает.

— Цыц, мели потише, — рассмеялся Ван Сюань, ткнув его локтем под рёбра. — При отце такое ляпнуть не смей, со стыда сгорит.

— Да знаю я, это ж я только тебе, по секрету. Так что думаешь? Хорошая ведь мысль?

— А ты подумал, как к этому отнесётся твоя мать?

— Мать? — Гоудань на секунду задумался. — Да никак. У них давно всё кончено. Будь она одна, может, батя и принял бы её назад, но у неё теперь двое приемышей от того подлеца. Мой отец никогда не станет воспитывать чужое отродье, его бы вся деревня засмеяла, да он и сам бы от такого позора слёг. Так что дорожки их разошлись навсегда. Я помогаю матери, но живу с отцом. Если у бати появится женщина, ей и слова сказать против не положено — их супружеская судьба давно отгорела.

Гоудань из чувства долга помог матери и её детям обустроиться на новом месте, но по-настоящему близким человеком для него всегда оставался отец. Забота о матери была скорее попыткой закрыть старые раны, а Ли Сы был его единственной опорой с самого детства.

Разговор о сватовстве Гоудань решил пока отложить и заняться делом. Через своих людей он выкупил участок земли в посёлке Сяньгоу, прямо у развилки дорог, ведущих к автостанции и в их родную деревню. Место было бойкое. Там всюду шло строительство: рабочие закладывали фундамент под длинный ряд двухэтажных зданий. Чуть поодаль планировалось возвести просторный крытый склад из гофрированного железа с широкими воротами для грузовиков.

Дачжуан, приладив протез и опираясь на костыль, целыми днями присматривал за стройкой.

Грамоты у него хватало — начальную школу окончил, читать-писать умел, — но в одиночку ворочать такими делами ему было трудно. К счастью, на первых порах ничего сложного от него и не требовалось.

Гоудань терпеливо растолковывал ему план:

— Место у развилки проходное, народу здесь всегда тьма. Откроем тут большой магазин: будем торговать солью, мылом, керосином, водкой да табаком. Соседние лавки пока сдадим в аренду, а просторный двор сзади приспособим под приёмку лесных даров: грибов, ягод, коры и лекарственных трав. Лесной промысел — дело сезонное. На заднем дворе как раз удобно будет всё сушить и сортировать. Работы предстоит много, позже я подробно распишу тебе все правила.

Места вокруг были холмистыми, горы тянулись до самого горизонта, скрывая в своих недрах несметные запасы дикоросов. Бизнес этот на первый взгляд казался скромным, но при должном подходе обещал приносить стабильный доход.

— Будем принимать сушёные грибы первого сорта, каштаны, арахис, вяленую хурму, клейкий рис. За качеством следи строго — порченный товар не бери, а за мелкий или сыроватый сбивай цену.

Здесь сырьё стоило копейки, но закупщиков до сих пор не наблюдалось. Гоудань планировал скупать всё за бесценок, сортировать, фасовать в красивую упаковку и отправлять на продажу в столицу.

— Дачжуан, запомни: дружба дружбой, а служба службой. Никаких поблажек по знакомству. Если попробуют подсунуть гниль — не молчи. Всё строго по уговору. Понимаешь, о чём я?

— Всё я понимаю, Гоудань, — серьёзно кивнул тот. — В жизни мы соседи и друзья, но в деле важен расчёт. Уговор дороже денег. Если кумовья вздумают некондицию нести или порченный товар подсовывать — спуска не дам.

Дачжуан был несказанно рад возможности заняться делом и вновь почувствовать себя полезным. То, что Гоудань доверил ему столь крупное предприятие, говорило не просто о желании помочь калеке, но и о глубоком дружеском доверии.

Имя Гоуданя в уезде гремело: первый парень, сдавший госэкзамены с лучшим результатом, да ещё и из семьи, где сразу двое поступили в Пекинский университет! Местные власти охотно шли ему навстречу. В стране полным ходом разворачивались экономические реформы, и создание новых рабочих мест, рост доходов населения и налоговых поступлений в местный бюджет были чиновникам только на руку.

Руководство посёлка Сяньгоу давно ломало голову над тем, как поднять экономику. Беда была в консерватизме местных жителей да в общей разрухе — проще говоря, в крошечной нищете.

Когда люди перебиваются с хлеба на воду, о каком развитии может идти речь?

Гоудань, будучи парнем хватким и тёртым, прекрасно понимал мотивы чиновников. Но против такого взаимовыгодного сотрудничества ничего не имел.

До сих пор в посёлке работали лишь пара лавок да унылый Снабженческо-сбытовой кооператив. На всю округу приходилось от силы два-три частных торговца.

А тут разом рос целый торговый ряд! Пусть и на окраине, но здания были новыми и добротными. Строительство кипело: пока возводились остальные стены, в помещении будущего универсама уже вовсю шла внутренняя отделка. Рабочие под началом бригадира Циня дело своё знали, трудились споро, благо людей хватало. Одно здание вырастало буквально за считанные недели.

Товары для магазина, само собой, заказывали у брата Лю Шуныцзе. После того как Гоудань свёл его с нужными людьми и помог оформить все разрешения, дела у Лю пошли в гору. Переправить лишнюю партию груза для него не составляло труда.

Как только завершится отделка, магазин распахнёт двери. Дачжуан переберётся в жилую комнату на втором этаже и сразу же начнёт приёмку первой партии сушёных грибов и зерна. Торговля пойдёт своим чередом, пока рабочие будут достраивать остальные лавки. Время терять нельзя.

Набором работников занимался Ван Сюань под присмотром Дачжуана. Местное начальство, конечно, попыталось пристроить на тёплые места своих непутёвых племянников да зятьев. Ван Сюань кривился от такой наглости, но понимал, что ссориться с властями не резон. Впрочем, распределял обязанности он строго по инструкции, составленной Гоуданем, — лодырям у них ловить было нечего.

Гоудань позвал на подмогу Даню, определив его в напарники к Дачжуану. На тяжёлую работу — разгрузку и переноску мешков — наняли крепких деревенских парней, забросивших учёбу. Им такая копейка была за счастье. Обязанности распределили чётко, без двусмысленностей. Гоудань сразу предупредил: поработаем месяц-другой, а там посмотрим, кто на что годен, и пересчитаем жалованье.

Жить им предстояло в столице, наезжая в провинцию лишь изредка. Контролировать процесс издалека тяжело, а воровство и кумовство на местах процветали буйным цветом. Оттого к выбору доверенных лиц Гоудань подходил с особой осторожностью.

Благо предприятие пока оставалось небольшим, а штат — скромным. С таким объёмом Дачжуан при поддержке верных людей должен был справиться сам, без постоянного надзора.

Чтобы у работников горели глаза, Гоудань пообещал ключевым сотрудникам процент от прибыли. Сам он не ждал от этой лавки золотых гор, но и спускать деньги на ветер из-за

чужого раздолбайства не собирался. Всё же главным его мотивом было помочь старым деревенским друзьям встать на ноги. Пойдёт дело в гору — отлично, не пойдёт — пускай хотя бы расходы окупает.

Просто так раздавать милостыню — гиблое дело. Дашь копейку — прослывешь добряком, а не дашь в следующий раз — злейшим врагом станешь. Куда надёжнее дать человеку работу, чтобы он сам себе на хлеб зарабатывал.

Гоудань собрал всех на заднем дворе и высказался без обиняков:

— Слушайте меня внимательно. Пойдёт дело — будете получать процент и жить припеваючи. Прогорите по глупости или лени — лавочку я прикрою без сожалений. Новых вливаний не ждите, я вам не дойная корова. Останетесь без работы и без гроша в кармане, так что думайте головой.

Слова его упали на благодатную почву. В провинциальном посёлке Сяньгоу приличной работы было днём с огнём не сыскать, люди за каждый юань цеплялись. Получить место с твёрдым окладом, да ещё и наравне с городскими рабочими — великая удача. Шутить с этим никто не собирался: каждый понимал, что на кону стоит сытая жизнь его собственной семьи.

Крутой нрав Гоуданя в деревне знали все. Добряком-простаком он никогда не был. Случись что — заколотит ставни, а здания сдаст приезжим торговцам или продаст с молотка, оставшись при своих. А вот незадачливые работники мигом вылетят на мороз, и придётся им снова ковырять мотыгой скудные наделы, чтобы не протянуть ноги. Дураков среди них не было, выбор каждый сделал для себя сразу.

Вот и ладно. Меньше пустых разговоров — больше дела.

Сам же Гоудань, скупая землю у развилки, руководствовался тонким расчётом. Он нутром чуял: пройдёт десяток лет, и эти пустыри станут золотыми. Посёлок Сяньгоу рос как на дрожжах, население прибывало с каждым годом. Вон в столице за клочок земли дерутся, цены на недвижимость взлетели до небес — скоро и до провинции эта волна докатится.

Даже если торговля грибами прогорит, новенькие кирпичные лавки никуда не денутся — их всегда можно выгодно сдать или продать. К тому же его торговый ряд станет приманкой для других застройщиков. Пройдёт совсем немного времени, и вокруг его магазинов вырастут новые кварталы. Окраина незаметно превратится в новый оживлённый центр посёлка.

В недвижимости главное — время. С началом демографического бума земля будет только дорожать, и тот, кто успел застолбить лучшее место на старте, сорвёт самый жирный куш.